

Подарок для брата

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Виктор Лукьяненко

Ссылка на публикацию

Я родился 24 февраля 1971 года. День рождения всегда был желанным и долгожданным праздником: подарки, вкусняшки, гости. Бывают дни рождения, которые проходят незаметно, а бывают такие, которые запоминаются на всю жизнь. Таким был день моего одиннадцатилетия. Мы жили в деревне, и на парк

аттракционов рассчитывать не приходилось. Если не считать местом развлечений школу, то оставались еще две точки: сельский клуб, в котором находилась библиотека, и магазин. А план развлечений был всегда один: после того, как сделаны домашние задания, то есть вечером, мы шли в магазин за хлебом, хлебовозка всегда приезжала вечером. Из магазина все шли в библиотеку, нет, не читать, а в основном разглядывать картинки в журналах и валять дурака со своими одноклассниками.

В свой одиннадцатый День рождения я проснулся в хорошем настроении. Вчерашний инцидент растворился в здоровом сне и улетучился из памяти. Впереди поздравления, подарки, одним словом, красота. Хотя, несколько слов о том, что случилось на закате 23 февраля все-таки надо.

День Советской Армии и Военно-Морского Флота чтился каждым мужчиной, точнее всем мужским населением страны, и теми, кто уже служил, и теми, кто в будущем станет защитником Отечества. Мой отчим в армии был связистом, младшим сержантом, командиром отделения, поэтому часто рассказывал мне различные армейские истории. Как ни странно, но больше всего мне запомнилось, что у них в армии был буфет, а там всегда продавалось печенье и сгущенное молоко. Таким образом никаких опасений служба в армии у меня не вызывала.

Короче говоря, 23 февраля «батя – загудел». Он пошел к куму, потом с кумом они пошли к другому куму, и там задержались до позна. Сестра, Зина, уже спала, на тот момент она была первоклашкой, а мама сидела в зале возле телевизора и плакала. Я пытался ее успокоить, но она гладила меня по голове и говорила:

- Сыночек, не переживай, все хорошо. Иди ложись спать, завтра в школу.

Для меня чужие слезы это как лук без кожуры, всегда вызывают свои собственные. Я всегда был ранимым человеком и когда видел чью-то боль или страдание или просто человеческую несправедливость, то всплакнуть ля меня было пару пустяков. Глаза мгновенно стали мокрыми, и я, всхлипывая я успокаивал маму:

- Мама, не плачь. Успокойся. Папа скоро придет. Я еще с тобой немножко посижу.

Я был зол на отчима, ибо знал, что мама плачет из-за него, вернее из-за его долгого отсутствия. Она переживала, что он опять придет пьяным, а пьяниц мама терпеть не могла, и на это были свои причины. Как-нибудь я вам об этом расскажу.

В дверь постучали, и я метнулся открывать дверь. Ключ от дома был один. Когда все уходили из дома, то закрывали замок, а ключ прятали под коврик. Об этой нычке знали все, но так принято. Вечером, пред сном, дверь закрывали изнутри, а если кто-то задерживался до поздна, то нужно было постучать в дверь или окно, и дверь откроют. Сомнений в том, что это был отец не было. Находясь в возбужденном состоянии, открыв дверь, и увидел отца «навеселе», я гневно произнес:

- Где, черт возьми, тебя носило!?

Наверное, в обычной ситуации, за такие слова я бы сразу получил леща, но тогда мне повезло, отец был пьяненький и скорее всего не воспринял слова как личное оскорбление.

- Что!? «Что ты сказал», - произнес отец, с удивленным видом, но мама уже стояла рядом.

- Иди спать. Нам с отцом, надо поговорить.

По правде говоря, я уже и сам собирался на боковую. Мне даже не пришлось считать овечек, сон настиг меня, как только голова прикоснулась к подушке.

Утро 24 февраля было солнечным. Окно спальни находилось на втором этаже. Солнце пробивалось в комнату гораздо раньше времени нашего подъема, поэтому было лучшим будильником маленьких сонь. Все шло по плану, за исключением того, что не было мамы.

- А где мама? - спросил я отца, готовящего нам завтрак.

- Она по ехала к бабушке Гале.

Это была фраза, сказанная невозмущенным видом, поэтому узнавать подробности у меня желания не было, тем более что меня интересовал другой вопрос. На вечер, я пригласил в гости, одноклассников. Как-никак День рождение, тем более что это обговаривалось заранее. В числе гостей были в основном мальчики, мои друзья, а еще три девочки: Ксюша, Наташа и Оксана. С каждой из них я был знаком еще с детсадовских времен. Все они мне нравилась, но определиться окончательно на тот момент я не мог.

- А как же вечер? «Придут гости», - спросил я отца.

- Не переживай. Все будет хорошо. Если ты обещаешь мне помогать.

Я молча кивнул надел ранец и побежал.

Со школы я пришел раньше обычного и сразу принялся печь орешки. Рецепт теста был многократно испытан на практике, поэтому за сладкий стол я не переживал. За основные блюда отвечал отец. Он решил приготовить макароны с котлетами. Фарш мы никогда не покупали, мама делала его самостоятельно, по особому рецепту. Котлеты получались большими, сочными и очень вкусными. Самой вкусной была первая сковородка, так сказать с пылу с жару. В этот момент я любил подходить к маме с хрустящей горбушкой свежего хлеба, она выкладывала на нее дымящуюся котлету, а дальше, весь мир ожидал… Конкурировать с маминым котлетами могли только бабушкины. Конечно, макароны с котлетами по названию не соответствуют праздничному блюду. Вот, если бы они назывались «Паппарделле со свиными биточками», тогда да, а ток, все обычно. Но вкусно…

С трех до пяти мы с отцом кашеварили. Размеров кухни хватало и для двоих поваров, и для семилетней сестры Зины, которая то и дело путалась под ногами, делая вид, что помогает, а тем временем подворовывая свежеиспеченные орешки. После я спустился в подвал, взял банку помидоров в томатном соку, фирменная закатка мамы, которую любила вся семья, а также свежих яблок. Когда год был урожайный, то яблоки лежали в подвале до апреля месяца, а то и до майских праздников.

Во время наших кулинарных стараний зашел дедушка Володя, папин отец, поздравил меня, подергал за уши, выпил стопочку водки за мое здоровье и пошел домой; они с бабушкой Зиной жили на другом конце села. Дедушка был еще тот шутник. Каждый раз видя меня со школьным портфелем он говорил:

- Смотри-смотри, вон двойка вывалились.

Я всегда смеялся над его шуткой и говорил, что это невозможно, так как был круглым отличником.

А еще, дедушка был ответственный за хрен к холодцу. В канун Нового года мама всегда варила холодец. Холодца всегда было много. Больше всего мне нравился процесс розлива, а вернее отделения мяса от косточек. На костях оставалось достаточно лакомства, так что хватало и мне и нашему псу Лобо. Традиционно, холодец подавали в хреном. Холодец варился на свинине, и после застывания покрывался толстой жирной корочкой, которую перед трапезой снимали, на ее место добавляли тертый хрен, закрашенный свекольным соком. Дедушка поставил на стол, маленькую, двухсотграммовую баночку с чем-то бордово-красным, плотно закрытую капроновой крышкой. Мое любопытство не могло пропустить такого необычного блюда, тем более с таким оригинальным цветом. И я мгновенно спросил:

- А что это?

Дедушка открыл банку слегка понюхал и сказал:

- Это хрен. Для холодца. Но, по-моему, он пахнет бензином.

- Да нет же, - засмеялся я, - вы обманываете!

Конечно, как я мог поверить в то, что хрен пахнет бензином, не проверив лично. А учитывая тот факт, что запах бензина мне очень нравился, я схватил банку в руки, воткнул в нее нос и глубоко вдохнул. Кто так делал, тот меня понимает. Конечно, никакого бензина там не было, но хрен пробрал меня до кончиков пальцев ног. Сначала я подумал, что у меня остановилось дыхание, возможно так оно было на какое-то мгновение. Потом из глаз брызнули слезы, из ноздрей потекли сопли. Дедушка с папой смеялись, мама их ругала, но я на всю жизнь получил представление о том, чем пахнет хрен.

Первым одноклассником, который пришел меня поздравить, был Юрка, он жил совсем близко, в шестнадцатиквартирном доме. Таких домов в деревне было два. Они были двухэтажные и стояли вдоль дороги, ведущей к школе. Про всех жильцов, которые в них жили говорили, что они живут «в домиках». Родители Юрки были учителями, но дружили мы не поэтому, мы были идейными товарищами, и многие наши мечты совпадали. Стол в зале уже был частично засервирован, фарфоровые тарелки, чашки, вилки и салфетки были аккуратно расставлены на столе по числу гостей. В этом нам помогала Зина, и как результат, минус одна чашка. Мы с Юркой сидели на диване, смотрели телевизор, а рядом, на журнальном столике, стоял черный телефон, который неожиданно зазвони. От неожиданности оба вздрогнули. Обычно, вечером телефон звонил крайне редко, но сейчас я подумал, что это мама вместе с бабушкой и дедушкой решили меня поздравить. Несмотря на то, что мы находились рядом с аппаратом, первым возле трубки оказался отец. Он молнией примчался с кухни, как будто целый день ждал этого звонка. Во время разговора, и его голос звучал возбужденно и странно, да и сам он находился в каком-то необычном состоянии. Кто говорил на том конце телефонной трубки я не знал, но отец отвечал отрывистыми фразами:

- Да!.. Когда?.. Сколько?.. Как она?.. Спасибо!

Мы с Юркой молча смотрели то на моего отца, то друг на друга. Это совсем не было похоже на телефонный разговор, а походило на какое-то тестирование или викторину. Да и продлился этот разговор не больше минуты. После того, как трубка заняла свое место на теле черного дискового аппарата, отец схватил меня на руки и подбросил до потолка со словами:

- Витечка!!! Урааа!!! У нас родился братик!!!

Отец называл меня Вытечкой в двух случаях, или когда был навеселе, или когда был максимально доволен. Сейчас он был абсолютно трезв. Вернув меня на место, отец также быстро, как и появился исчез на кухне. Я посмотрел на Юрку и со знанием дела произнес:

- У меня братик родился.

Тот утвердительно кивнул. Дальше праздник продолжался. Мы встречали гостей, всем рассказывали про моего маленького братика. Было застолье. Рождение брата автоматически вышло на первую строчку рейтинга главных событий вечера 24 февраля 1982 года нашей семьи.

Уже лежа в кровати, я размышлял:

- Интересно, как на самом деле эти братики рождаются. Ну, понятно, что не в капусте их находят, и не аист их приносит. Находятся они в животике и мамы, там сидят, ждут, а потом рождаются. Ну, с тем, что дети рождаются очень маленькими я согласен, в животе у мамы нет много места. А как они туда падают? А что они там едят? Если под кожей у человека кровь, то дети тоже должны быть в крови. Выходит, они пьют мамкину кровь, как маленькие вампиры!? А как у мамы в животе помещаются двойняшки или даже тройняшки? В общем, вопросов было больше, чем ответов. А еще надо придумать, что подарить братику на День рождения. Завтра поеду в район и что-нибудь куплю. Надо только утром уточнить у отца, как назвали малыша. А дальше наступил сон.

Утром, новость о том, что у меня родился брат, быстро разлетелась по всей школе. Виной этому, конечно, были девчонки. Ведь именно они, как сороки перепрыгивая с ветки на ветку, стрекочут всем окружающим одно и тоже:

- А у Виктора родился брат! У Виктора, братик родился!

Но меня это только радовало. Я был рад такому событию, и понимал, что теперь у меня будет много забот; ведь малыша надо будет кормить, одевать, учить ходить и говорить. Главное, чтобы мама побыстрее его привезла из роддома. А еще, я с нетерпеньем ждал субботы, чтобы самому поехать в больницу, проведать маму, посмотреть на братика и вручить ему подарок. Я был в раздумьях, что подарить брату, поэтому отложил этот вопрос на потом. В пятницу вечером я спросил отца:

- Пап! А как мы братика назовем?

- Я пока не знаю. Вот мама вернется и все вместе решим.

В субботу утром ровно, в 8.15 я стоял на остановке и ждал рейсового автобуса. Обычно, утром и вечером к нам приходил бело-голубой ЛАЗ. Его звук нельзя было спутать ни с какой другой техникой. Гул мотора, был слышен еще за пару километров. Когда мама утром уезжала на дежурство в районную больницу, меня часто отправляли на остановку в качестве дозорного. Остановка находилась в двадцати метрах от нашей калитки, поэтому мама находилась дома, а я выглядывал автобус на улице. И когда появлялись первые звуки приближающегося автобуса, то бежал домой с радостным криком:

- Едет-едет!

На самом деле провожать маму на дежурство всегда было грустно, особенно, когда дежурство выпадало на выходные. В такие дни, особенно, когда погода на улице была плохой, я садился за письменный стол, брал в руки карандаши и перерисовывал картинки из учебника «Рисование», одновременно наблюдая за дорогой, чтобы первым увидеть маму, выходящую из автобуса.

В субботу автобус всегда был переполнен, так как очень много селян ехали в районный центр на базар. Субботний базар в районном центре, это большая ярмарка, где можно купить все: от куска хозяйственного мыла, до дорогой шубы, повидать знакомых и родственников из соседних сел, покушать мороженного, в общем законным способом расстаться со своими деньгами. Свободные места оставались только на «галерке» (последний ряд сидений). Так было и в этот раз. Я примостился на теплом сидении и начал обдумывать план дальнейших действий. Расстояние до районного центра всего двадцать километров, но для меня, каждая поездка на автобусе, была настоящим путешествием. Картинка за окном постоянно менялась. Несмотря на то, что маршрут движения всегда был одним, все всегда было по-разному: разное время года, разные цвета, разная погода, разные люди на остановках. Все разное. Я любил сидеть возле окна, и прислонившись лбом к холодному стеклу, наблюдать за калейдоскопом событий. Так было и в этот раз, но, возможно из-за переизбытка чувств и мыслей я задремал, задремал так, что мне даже приснился сон:

- Я еду на отцовском мотоцикле, в коляске сидит младший брат, он очень похож на меня, у него такая же клетчатая рубашка как была у меня в детстве. Он держится двумя руками за поручень, а встречный ветер развивает его светлые волосы. Я уже взрослый, потому что одет в кожаную куртку и мотоциклетный шлем с защитным стеклом. На улице тепло, но я в кожаной куртке. У меня за спиной кто-то сидит, но я не вижу кто, вероятней всего это моя сестра Зина, а может мама? Я чувствую, что о сидящий сзади обнимает меня руками, но я их не

вижу, только чувствую. В какой-то момент мотоцикл начинает дергаться. По всей видимости заканчивается бензин, а может просто перебои с подачей топлива. Я пытаюсь исправить ситуацию, переключаю передачу, но мотоцикла по-прежнему дергается и шлем начинает наползать мне на глаза. Я не могу его поднять, так как боюсь отпустить руль движущегося мотоцикла. Вся надежда на то, что скоро мотоцикл заглохнет и остановится, но мне очень страшно. Я боюсь съехать с дороги и перевернуться. Мотоцикл останавливается, но мое тело продолжает подергивается…

Я проснулся оттого, что кто-то толкал меня в плече. Это была какая-то женщина, сидящая рядом. Когда я открыл глаза и посмотрел на нее, она спросила:

- Мальчик, ты где выходишь? Уже Гадяч.

Я вышел «на кругу», возле центрального универмага и направился в сторону магазина «Культтовары». Он находился через дорогу от районной больницы, и в нем был отдел игрушек. Я это прекрасно знал, так как в именно в нем, во время новогодних каникул покупал игрушечный немецкий автомат «шмайсер» за три рубля пятьдесят копеек. Благодаря трем круглым батарейкам, автомат издавал звук стреляющего автомата, и на кончике ствола загоралась красная лампочка.

Районную больницу я прекрасно знал, так как до пяти лет, я буквально жил в приемном отделении, где мама работает медсестрой. Не могу сказать, что меня знали все доктора, но медсестры и санитарки точно. Тетя Оля и тетя Лариса были старшими медсестрами. Он меня очень любили, поэтому могли помочь в решении любого вопроса. Но в случае с роддомом помощь не требовалась. Где находится родильное отделение я прекрасно знал, хотя внутри этого здания ни разу не был. Я был почему-то уверен, обычно в роддоме пусто и не многолюдно, не могут ведь женщины одновременно рожать, а значит сейчас в роддоме только моя мама, врач, медсестра и санитарка.

Родильное отделение находилось в старом корпусе больницы. Это было старинное здание из красного кирпича, которое уже отметило свой столетний юбилей. Оно было построено еще в конце 19 века. Изначально это был дом какого-то очень богатого помещика, во всяком случае, так говорят.

Зайдя в отдел игрушек, я сразу подошел к двум продавщицам и поздоровался, ни на секунду не сомневаясь в том, что они меня помнят с момента предыдущей покупка:

- Здравствуйте, я у вас недавно автомат немецкий покупал, черный, на батарейках.

Женщины переглянулись, но видимо не могли вспомнить эту покупку, поэтому я продолжил:

- Мне нужно купить игрушку для моего маленького братика!

- И что же предпочитает твой братик? – спросила одна из продавщиц.

- Я точно не знаю, - начал я, - Так как еще ни разу на видел братика. Он недавно родился и сейчас вместе с мамой находится в роддоме.

После этих слов обе женщины взбодрились, ожили, сказали какой я молодец и начали засыпать меня различными предложениями: одна говорила, что маленькому братику надо купить погремушку, другая сказала, что пеленки и распашонки будут лучшим подарком.

Ничего из этого списка меня не впечатлило. Ближе всего была погремушка, но она была маленькая, не яркая, и даже звук издавала противный. Продавщицы даже спросили, сколько ку меня есть денег на подарок. Когда я понял, что помощи от этих женщин не дождусь, начал рассуждать по-другому:

- Витя, представь, что ты, это твой маленький брат. Ты впервые попал в игрушечный магазин. Ты смотришь не полки магазина, которые пестрят различными игрушками. Ты смотришь, смотришь, переходишь от одной полки к другой, потом делаешь это еще раз, и наконец, твой взгляд останавливается на одной, самой красивой, самой яркой, самой желанной игрушке. Что это за игрушка!? Ну, конечно! Ну, конечно же это мотылек, которого ты катишь по земле с помощью деревянной палочки, а он машет своими разноцветными крыльями. Эту игрушку я заметил сразу, но теперь был окончательно уверен в правильности выбора. Продавщицы пытались меня отговорить, но я даже слушать не хотел.

Выйдя на улицу, я решил сразу проверить как работает эта игрушка, но ничего не получилось, колеса проскальзывали на льду и крылья оставались без движения. Но это меня не очень расстроило, скоро весна, снег растает и по асфальту поедет как миленький. Я был уверен, что братик оценит мой подарок.

Возле роддома, меня встретила медсестра, которая несла какой-то мешок. Мы практически одновременно подошли к порогу здания, поэтому она спросила:

- Мальчик. Ты куда?

- К маме и маленькому брату.

- А как зовут твою маму?

- Наташа. А братика еще не назвали. Мы дадим ему имя, когда они с мамой вернуться домой.

Девушка в белом халате улыбнулась и сказала:

- Ты подожди, пожалуйста, здесь, на пороге, а я сейчас позову твою маму.

- Хорошо, - сказал я и остался ждать на пороге.

Через какое-то время на порог, из родильного отделения начали выходить люди. В основном, это были медсестры, но мамы среди них не было. На улице было холодно, поэтому меня пригласили внутрь. Внутри, здание было совсем не таким как снаружи. Высокие потолки, много света. По углам, в больших горшках, стояли такие же большие цветы. Что было неизменным, так это больничный запах, он был одинаковым в любой части больницы. Людей внутри было гораздо больше, чем я предполагал. В основном это были женщины, в домашних халатах и тапочках. Из глубины коридора доносился плачь младенца. Но мамы с братиком там не было, к тому же куда-то пропала медсестра, которая обещала помочь. Все стояли, улыбались, смотрели то на меня, то на игрушку, которая на кафельном полу очень охотно взмахивала крыльями. Настроение начало портиться. Я занервничал. Все шло не по плану. Наверное, это читалось по моему лицу, потому что одна из санитарок подошла ко мне совсем близко, наклонилась и успокоила:

- Не переживай. Подожди еще немножко. Мама сейчас выйдет, и ты познакомишься со своим братиком. А еще, она будет очень радоваться, что у нее такой самостоятельный старший сын.

Через мгновение, в конце коридора показалась мама. Она тоже была в домашнем халате, комнатных тапочках, и несла на руках небольшой белый сверток. Больше всего меня поразило то, что мама сильно похудела, по сравнению с тем, какой она была несколько дней назад. Волосы, как обычно, были собраны в небольшую «гульку» с помощью заколок, но все равно вид у мамы был уставший. Мама подошла, улыбнулась, и погладила меня по голове:

- Хочешь увидеть своего братика?

- Конечно хочу! Я же специально приехал, чтобы на него посмотреть!

Мама открыла уголок одеяла, и я увидел маленькое, красное, сморщенное лицо, глазки были закрыты, а губы постоянно шевелились. Из-под маленькой шапочки торчали тоненькие редкие волосики. Ребенок спал. Конечно, не таким я себе представлял младшего брата, поэтому сделал вывод:

- Похож на слепого котенка, - сказал я, и засмеялся.

- Все малыши такие. И ты таким был, - ответила мама.

- А можно я подержу его на руках? - спросил я.

- Нет. Не сейчас, - помотала головой мама, — Вот вернемся домой, и будешь носить его целыми днями.

Пока я находился рядом с мамой и братом, мир вокруг перестал существовать, все звуки роддома были еле слышны, и людей вокруг я тоже перестал замечать. Когда мама гладила меня по голове, то, на какое-то мгновенье, мне показалось, что это не брат лежит в пеленках и одеяльце, а я. Я даже забыл про свой подарок. Он так бы и оставался лежать на боку, если бы мама не обратила на него внимание. Я поднял мотылька и вручил его маме:

- Это для братика.

Мама пыталась уговорить меня отвезти подарок домой, но я не согласился, настоял на своем, а дальше, с чувством выполненного долга, счастливый и довольный помчался на автовокзал.

PS.

Брата назвали Мишей, в честь доктора, который принимал у мамы роды, его звали Михаил Михайлович.

Позже я узнал, что брат должен был родится 8 марта и стать «подарком» маме к женскому дню, но в связи с тем, что тем самым вечером, когда мама плакала сидя у телевизора, папа вернулся домой не просто «навеселе», а без мохерового шарфа и норковой шапки, брат родился 24 февраля, и стал «подарком» папе к мужскому дню.

Когда Мишке исполнилось два года, мой подарок стал его любимой игрушкой. Даже когда на смену пришли машинки и паровозики, «Мотылек» продолжал лежать в большой картонной коробке, периодически взмахивая яркими крыльями.